Технологии подмены личности как обстоятельство, отягчающее наказание: где проходит предел

Малютин Егор Андреевич
аспирант, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), theforrtshok@mail.ru

Автором рассматривается проект федерального закона № 1288702-8 о дополнении части 1 статьи 63 УК РФ пунктом «х» об использовании сгенерированных аудиовизуальных материалов при совершении преступления. Он сопоставлен с пунктом «ф» той же статьи и с отзывами Правительства и Верховного Суда РФ. Обоснована двухуровневая модель: общее отягчающее обстоятельство ограничено случаями затруднения идентификации виновного, обман синтетическим образом закреплён как квалифицирующий признак. Даны редакции норм.
Ключевые слова: технологии подмены личности, синтетический образ, отягчающие обстоятельства, статья 63 УК РФ, квалифицирующий признак, мошенничество.

В середине июля 2026 года группа депутатов и сенаторов внесла в Государственную Думу проект федерального закона № 1288702-8 «О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации». Идея изложена предельно компактно: закрытый перечень обстоятельств, отягчающих наказание, дополняется пунктом «х» [13]. Под него подпадает совершение преступления с использованием видеозаписи, аудиозаписи, изображения или иных аудиовизуальных материалов, созданных с применением технологий искусственного интеллекта либо иных технических средств обработки информации. Условие одно: такие материалы должны воспроизводить или имитировать высказывания и действия лица, фактически им не совершённые, либо демонстрировать человека, личность которого сгенерирована техническими средствами.

Отзывы поступили быстро и оказались сдержанными. Правительство РФ указало, что в отраслевом законодательстве использование технологий подмены личности не урегулировано, а потому перенос соответствующего термина в уголовный закон без корреспондирующих норм материального права несёт риск формирования некорректной практики. Верховный Суд РФ сослался на малое количество уголовных дел, в которых применялись технологии искусственного интеллекта, и заметил, что целесообразнее закреплять такой признак не в перечне отягчающих обстоятельств, а в качестве квалифицирующего либо составообразующего признака отдельных преступлений, прежде всего мошенничества. Отдельно отмечено, что предложенная формулировка не содержит признаков, позволяющих рассматривать само использование материала как неправомерное [13; 15].

Спор, таким образом, идёт не о том, нужна ли дифференциация ответственности, а о юридической технике. Именно этот слой меня и интересует.

Сразу оговорюсь, что похожую конструкцию вносить уже пытались. Осенью 2024 года предлагалось дополнить квалифицирующим признаком об использовании изображения, голоса и биометрических персональных данных сразу несколько статей: 128.1, 158, 159, 159.6, 163, 165 УК РФ. Тогда Правительство РФ и Верховный Суд РФ также дали отрицательные заключения, причём аргументация во многом повторяет нынешнюю [12; 16].

Дискуссия в науке к этому времени уже сложилась. Н. Ф. Бодров и А. К. Лебедева предлагают собственное определение дипфейка и обосновывают необходимость его нормативного закрепления [6]. И. Н. Мосечкин, разбирая фальсификацию биометрических данных, приходит к выводу о недостаточности гражданско-правового и административного инструментария и конструирует новый состав по образцу статьи 327 УК РФ [10]. М. А. Желудков и А. П. Алексеева отмечают, что часть 6 статьи 272.1 УК РФ охватывает оборот лишь подлинных персональных данных и не распространяется на сгенерированные образы [8]. И. С. Мочалкина, напротив, полагает достаточным дополнить статьи 158 и 159 УК РФ квалифицирующими признаками [9, с. 192]. Разброс позиций здесь показателен: единого мнения нет ни о месте нормы, ни даже о том, требуется ли она.

Повторное внесение инициативы в ином виде само по себе показательно: проблема признана, а способ её решения не найден. За тот же период законодатель успел ввести в Уголовный кодекс и полноценный новый состав: Федеральным законом от 30 ноября 2024 года № 421-ФЗ была установлена статья 272.1 об ответственности за незаконный оборот компьютерной информации, содержащей персональные данные, включая данные биометрические [4]. Реакция на технологии, стало быть, не сводится к одному инструменту.

Между тем нужный прецедент уже встроен в саму статью 63 УК РФ. Федеральным законом от 31 июля 2025 года № 282-ФЗ её часть 1 была дополнена пунктом «ф», признающим отягчающим обстоятельством совершение преступления с использованием программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам и информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен. Норма действует с 1 сентября 2025 года [3; 11].

Обратим внимание на хронологию. Законодатель признал технологический признак отягчающим обстоятельством, а спустя не-

сколько месяцев Верховный Суд РФ в отзыве на новый законопроект сослался на то, что подобных дел пока мало и что подобный признак лучше размещать в конкретных составах. Прямого противоречия здесь нет, поскольку Суд высказывался о конкретной редакции и о конкретном месте закрепления, но логика отзыва неминуемо задевает и действующий пункт «ф». Получается, что один технологический признак уже признан допустимым элементом статьи 63 УК РФ, а другой, технологически устроенный ровно так же, вызывает возражения.

Замечу, что пункт «ф» уязвим ровно по тем основаниям, которые Суд вменяет новому законопроекту. Использование программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам (например: VPN) само по себе не запрещено, норма не требует устанавливать ни цели применения средства, ни его связи с содеянным. Значит, проблема не в самой идее технологического отягчающего обстоятельства, а в отсутствии критерия, который отделял бы значимое использование технологии от случайного.

Доктрина давно выработала требования к обстоятельствам, включаемым в часть 1 статьи 63 УК РФ [1]. Перечень закрыт, такие обстоятельства не образуют новых составов и не позволяют выйти за верхний предел санкции, их задача иная: сузить пределы судейского усмотрения при назначении наказания внутри уже установленных границ. Отсюда и признаки, которым должен отвечать пункт перечня. Обстоятельство должно быть типичным, способным сопровождать преступления разных категорий и повышать общественную опасность содеянного независимо от того, какой именно состав нарушен.

Ключевой водораздел проходит между способом и условием. Если признак характеризует способ совершения деяния, то есть входит в объективную сторону, его место в Особенной части. Если же признак описывает обстановку, которая повышает опасность деяния, не будучи элементом состава, он может появиться в статье 63 УК РФ. Часть 3 статьи 63 УК РФ прямо запрещает учитывать при назначении наказания обстоятельство, которое уже предусмотрено соответствующей статьёй Особенной части в качестве признака преступления, что служит нормативным выражением того же правила.

Технология подмены личности ломает эту дихотомию, поскольку способна работать одновременно в двух регистрах.

Первый регистр: синтетический образ выступает орудием обмана. Голос, воспроизводящий речь руководителя, побуждает сотрудника перечислить деньги; сгенерированное лицо проходит биометрическую проверку в банковском приложении. Здесь технология есть способ совершения преступления, причём способ, прямо названный в диспозиции: мошенничество совершается обманом или злоупотреблением доверием. Такой признак принадлежит Особенной части, а сопутствующие ему деяния в сфере компьютерной информации при необходимости оцениваются по совокупности, на что прямо указывает пункт 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 года № 51 [5].

Второй регистр: синтетический образ затрудняет установление виновного. Преступник действует не от своего имени, а от имени другого человека либо от имени лица, которого в природе не существует. Это обстоятельство не входит ни в объективную сторону мошенничества, ни в объективную сторону вымогательства, но оно одинаково повышает опасность самых разных посягательств: растёт латентность, удлиняется путь от деяния до установления исполнителя, размывается доказательственная база.

Вот здесь и проходит граница. Первый регистр не может быть отягчающим обстоятельством, поскольку поглощается способом. Второй может, поскольку составом не охватывается. Конкуренции между уровнями при таком делении не возникает, и правило части 3 статьи 63 УК РФ не нарушается.

Предложенный в законопроекте пункт «х» этого различения не проводит. Из его текста следует, что отягчающим признаётся любой факт использования сгенерированного материала при совершении любого преступления. Именно на это и указал Верховный Суд РФ, отметив отсутствие признака неправомерности [13; 15]. Замечание справедливо: в редакции проекта признак срабатывает и тогда, когда технология в содеянном никак не участвовала, а лишь присутствовала.

Ссылку на отсутствие отраслевого определения технологий подмены личности нельзя игнорировать, но и переоценивать её не стоит. Уголовный закон вполне способен обойтись описанием признаков вместо дефиниции, и законопроект, собственно, этим путём идёт: он не употребляет слово «дипфейк», а перечисляет свойства материала. Беда в том, что перечень вышел слишком широким и лишенным целевой направленности.

Если связать признак с функцией материала, потребность в отраслевом термине отпадает вовсе. Суду не потребуется решать, является ли конкретный файл дипфейком в смысле какого-либо федерального закона; ему потребуется установить, имитировал ли материал высказывания или внешность конкретного человека и было ли это сделано для введения потерпевшего в заблуждение либо для оказания на него давления. Обе задачи решаются в рамках обычного доказывания с привлечением специалиста.

Из сказанного вытекает конструкция, которая, на мой взгляд, снимает и возражение Правительства РФ, и возражение Верховного Суда РФ, не отказываясь от самой идеи законопроекта.

На первом уровне сохраняется общее отягчающее обстоятельство, но с явным функциональным ограничением. Предлагаемая редакция пункта «х» части 1 статьи 63 УК РФ:

х) совершение преступления под видом другого лица с использованием видеозаписи, аудиозаписи, изображения (в том числе электронного) или иных аудиовизуальных материалов, созданных с применением технологий искусственного интеллекта либо иных технических средств обработки информации и воспроизводящих или имитирующих высказывания, действия либо внешность лица, фактически им не совершённые или ему не принадлежащие, если это использовалось для введения потерпевшего или иных лиц в заблуждение либо для сокрытия личности виновного.

Формула «если это использовалось» отсекает случаи, когда технология присутствовала, но на механизм преступления не влияла. Упоминание сокрытия личности выводит на уровень общих отягчающих обстоятельств тот самый второй регистр, который составами не охватывается.

На втором уровне признак обмана закрепляется в конкретных статьях Особенной части. Применительно к части 3 статьи 159 УК РФ соответствующее дополнение выглядело бы так:

Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершённые с использованием видеозаписи, аудиозаписи, изображения (в том числе электронного) или иных аудиовизуальных материалов, созданных с применением технологий искусственного интеллекта либо иных технических средств обработки информации и имитирующих высказывания, действия либо внешность потерпевшего или иного лица, -

Обращу внимание на одну техническую деталь. Квалифицирующие обстоятельства в частях 3 и 4 статьи 159 УК РФ буквенными пунктами не обозначены и соединены между собой союзом «а равно» либо «либо», поэтому новому признаку не требуется самостоятельной санкции: применяется санкция соответствующей части. Новый признак при таком устройстве нормы вводится присоединением к тексту части, и именно это, а не размер наказания, составляет основную законодательную трудность.

Аналогичный признак логично предусмотреть в статье 159.6 УК РФ, где синтетический образ используется для преодоления средств аутентификации, в статье 163 УК РФ, где сгенерированный компрометирующий материал служит средством принуждения, и в статье 128.1 УК РФ, где синтетический материал придаёт заведомо ложным сведениям вид достоверных. В каждом из этих случаев технология выступает именно способом, и только способом, что и определяет место закрепления.

Третий элемент модели негативный, но важный: при вменении квалифицирующего признака одноимённое обстоятельство из статьи 63 УК РФ учёту не подлежит. Это прямое следствие части 3 статьи 63 УК РФ, и его стоит прямо разъяснить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 года № 48, а не оставлять на усмотрение судов [2].

Сторонники сохранения status quo обычно рассуждают так: обман уже является признаком мошенничества, и не имеет значения, чем именно потерпевшего ввели в заблуждение. Кража остаётся кражей независимо от того, подобрал ли вор ключ или воспользовался чужой картой. Логика не лишена силы, и для значительной части ситуаций её достаточно.

Она даёт сбой в одном месте. Обычные средства обмана оставляют после себя след, привязанный к исполнителю: поддельный документ, чужую сим-карту, украденный аккаунт. На этом, по сути, и

строится позиция М. А. Ефремовой, которая, исследуя цифровую идентичность как объект охраны, приходит к выводу о достаточности действующих норм Особенной части для оценки большинства подобных деяний и предлагает сосредоточить усилия на совокупности мер [7]. Применительно к хищению данных как таковому с такой оценкой можно согласиться.

С синтетическим образом положение иное. Он привязан не к исполнителю, а к лицу, чья личность воспроизводится. Потерпевший опознаёт не преступника, а своего руководителя, родственника, сотрудника банка. Это меняет не степень обмана, а саму возможность установления виновного и, как следствие, тяжесть последствий для того, чьё имя использовано: он становится первым подозреваемым в собственном деле.

Второй момент касается соразмерности. Квалифицированный состав решает задачу, когда речь идёт о преступлениях, где такой состав предусмотрен. Он ничего не даёт для посягательств, где способа обмана в диспозиции нет вовсе, и для преступлений, совершённых против неопределённого круга лиц с использованием одного сгенерированного образа многократно. Общий перечень отягчающих обстоятельств закрывает именно эту брешь, поскольку действует поверх всех составов.

Наконец, замечание о единичности практики [13] фактически верно, и строить законодательное решение на статистике, которой нет, было бы легкомысленно. Но инфраструктура для таких деяний уже криминализована и уже нагружена делами. С 1 сентября 2025 года действуют статьи 274.3, 274.4 и 274.5 УК РФ, введённые тем же Федеральным законом № 282-ФЗ: первая отвечает за незаконное использование абонентских терминалов пропуска трафика и виртуальных телефонных станций, вторая за организацию передачи абонентских номеров, третья за оборот сведений, необходимых для регистрации и авторизации в сети «Интернет» [3; 14]. Следственная практика по части 3 статьи 274.3 УК РФ уже формируется, фигурантами выступают в том числе лица, обеспечивавшие техническое обслуживание оборудования для подмены номеров [14]. Синтетический образ в этой цепочке следующий шаг, а не экзотика: он надстраивается поверх уже работающей инфраструктуры подмены идентификатор.

Выводы

Проведённый анализ позволяет сформулировать несколько положений.

Первое. Идея дифференцировать ответственность за преступления, совершённые с использованием технологий подмены личности, обоснована, однако механизм универсального отягчающего обстоятельства в редакции проекта № 1288702-8 этой задаче не отвечает: признак не связан с функцией технологии и потому охватывает деяния, опасность которых не повышена.

Второе. Действующий пункт «ф» части 1 статьи 63 УК РФ подтверждает принципиальную допустимость технологического признака в закрытом перечне, но воспроизводит тот же дефект и сам нуждается в корректировке по функциональному критерию.

Третье. Разграничение уровней должно строиться на функции: технология как способ обмана или принуждения относится к Особенной части, технология как средство затруднения идентификации виновного к статье 63 УК РФ.

Четвёртое. Предложенные редакции пункта «х» части 1 статьи 63 УК РФ и квалифицирующего признака в статье 159 УК РФ устраняют оба возражения, высказанных Правительством РФ и Верховным Судом РФ, поскольку не требуют отраслевой дефиниции и ограничивают применение признака случаями неправомерного использования материала.

Пятое. Закрепление признака должно сопровождаться разъяснением Пленума Верховного Суда РФ о недопустимости двойного учёта одного и того же обстоятельства на уровне квалифицирующего признака и на уровне статьи 63 УК РФ.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (в действующей редакции).

3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2025 № 282-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2025.

4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.2024 № 421-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2024.

5. О судебной практике по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 51.

6. Бодров Н. Ф., Лебедева А. К. Уголовно-правовые и криминалистические аспекты противодействия распространению и использованию дипфейков в Российской Федерации // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 4. С. 42–55. DOI: 10.55001/2587-9820.2023.34.41.005.

7. Ефремова М. А. Цифровая идентичность: проблемы уголовно-правовой охраны // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3 (46). С. 124–129. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-124-129.

8. Желудков М. А., Алексеева А. П. Обеспечение защищённости биометрических персональных данных от использования в криминальных целях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 159–169. DOI: 10.35750/2071-8284-2025-2-159-169.

9. Мочалкина И. С. Криминологическое противодействие экономическим преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 5 (129). С. 189–196. DOI: 10.17803/2311-5998.2025.129.5.189-196.

10. Мосечкин И. Н. Дипфейк-технологии и биометрические данные: направления уголовно-правового регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2025. Т. 16, № 1. С. 95–110. DOI: 10.21638/spbu14.2025.107.

11. Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 282-ФЗ: обзор документа // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. URL: https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1837829/ (дата обращения: 02.09.2026).

12. Дипфейки: изменения в УК РФ // Интеллект-Сервис: юридическая фирма. 07.10.2024. URL: https://www.intellectpro.ru/press/works/dipfeyki_izmeneniya_v_uk_rf/ (дата обращения: 02.09.2026).

13. Дипфейки при совершении преступлений могут признать отягчающим обстоятельством: о проекте федерального закона № 1288702-8 и отзывах Правительства РФ и Верховного Суда РФ // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. 16.07.2026. URL: https://www.garant.ru/news/2168210/ (дата обращения: 02.09.2026).

14. Следственный комитет завершил расследование дела о сим-боксах для телефонных мошенников // Российская газета. 05.08.2026. URL: https://rg.ru/2026-08-05/sk-zakonchil-rassledovanie-dela-o-sim-boksah-dlia-telefonnyh-moshennikov.html (дата обращения: 02.09.2026).

15. В Думу внесён законопроект, по которому дипфейки при совершении преступлений станут отягчающим обстоятельством // Российская газета. 19.07.2026. URL: https://rg.ru/2026-07-19/osobaia-poddelka.html (дата обращения: 02.09.2026).

16. Уголовный кодекс предлагают дополнить нормами об использовании дипфейков: об отзывах Правительства РФ и Верховного Суда РФ на законопроект 2024 года // РАПСИ: агентство правовой и судебной информации. 16.09.2024. URL: https://rapsinews.ru/legislation_news/20240916/310242023.html (дата обращения: 02.09.2026).

Identity-swapping technologies as an aggravating circumstance: where to draw the line

Malyutin E.A.

Russian State University for the Humanities (RSUH)

The article examines draft federal law No. 1288702-8, which proposes to add item «kh» to part 1 of article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation on the use of AI-generated audiovisual materials in committing a crime. The initiative is compared with the existing item «f» of part 1 of article 63 and with the official opinions of the Government and the Supreme Court of the Russian Federation. A two-level model is substantiated: the general aggravating circumstance is limited to cases where identification of the offender is impeded, while deception by a synthetic image is fixed as a qualifying element of individual offences. The author's wording of the norms is given.

Keywords: identity-spoofing technologies, synthetic image, aggravating circumstances, article 63 of the Criminal Code, qualifying element, fraud.

References

1. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ [Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 no. 63-FZ] (as amended on 04.08.2026). Sobranie zakonodatel'stva RF [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 1996, no. 25, art. 2954. (In Russ.)
2. O sudebnoj praktike po delam o moshennichestve, prisvoenii i rastrate: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 30.11.2017 № 48 [On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.11.2017 no. 48] (as currently amended). (In Russ.)
3. O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 31.07.2025 № 282-FZ [On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of 31.07.2025 no. 282-FZ]. Sobranie zakonodatel'stva RF [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2025. (In Russ.)
4. O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 30.11.2024 № 421-FZ [On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of 30.11.2024 no. 421-FZ]. Sobranie zakonodatel'stva RF [Collection of Legislation of the Russian Federation]. 2024. (In Russ.)
5. O sudebnoj praktike po delam o prestupleniyakh v sfere kompyuternoj informacii: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 15.12.2022 № 51 [On judicial practice in cases of crimes in the field of computer information: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.12.2022 no. 51]. (In Russ.)
6. Bodrov N.F., Lebedeva A.K. Ugolovno-pravovye i kriminalisticheskie aspekty protivodejstviya rasprostraneniyu i ispol'zovaniyu dipfejkov v Rossijskoj Federacii [Criminal-law and forensic aspects of countering the dissemination and use of deepfakes in the Russian Federation]. Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra [Forensics: Yesterday, Today, Tomorrow]. 2023, no. 4, pp. 42–55. DOI: 10.55001/2587-9820.2023.34.41.005. (In Russ.)
7. Efremova M.A. Tsifrovaya identichnost': problemy ugolovno-pravovoj okhrany [Digital identity: problems of criminal-law protection]. Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika [Law and Order: History, Theory, Practice]. 2025, no. 3 (46), pp. 124–129. DOI: 10.47475/2311-696X-2025-46-3-124-129. (In Russ.)
8. Zheludkov M.A., Alekseeva A.P. Obespechenie zashchishchennosti biometricheskikh personal'nykh dannykh ot ispol'zovaniya v kriminal'nykh tselyakh [Ensuring the security of biometric personal data against use for criminal purposes]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2025, no. 2 (106), pp. 159–169. DOI: 10.35750/2071-8284-2025-2-159-169. (In Russ.)
9. Mochalkina I.S. Kriminologicheskoe protivodejstvie ekonomicheskim prestupleniyam, sovershaemym s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologij [Criminological counteraction to economic crimes committed with the use of information and telecommunication technologies]. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) [Kutafin Moscow State Law University (MSAL) Bulletin]. 2025, no. 5 (129), pp. 189–196. DOI: 10.17803/2311-5998.2025.129.5.189-196. (In Russ.)
10. Mosechkin I.N. Dipfejk-tekhnologii i biometricheskie dannye: napravleniya ugolovno-pravovogo regulirovaniya [Deepfake technologies and biometric data: directions of criminal-law regulation]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo [Vestnik of St. Petersburg University. Law]. 2025, vol. 16, no. 1, pp. 95–110. DOI: 10.21638/spbu14.2025.107. (In Russ.)
11. Federal'nyj zakon ot 31 iyulya 2025 g. № 282-FZ: obzor dokumenta [Federal Law of July 31, 2025 no. 282-FZ: document review]. GARANT.RU: informatsionno-pravovoj portal [GARANT.RU: legal information portal]. Available at: https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1837829/ (accessed 02.09.2026). (In Russ.)
12. Dipfejki: izmeneniya v UK RF [Deepfakes: amendments to the Criminal Code of the Russian Federation]. Intellekt-Servis: yuridicheskaya firma [Intellect-Service: law firm]. 07.10.2024. Available at: https://www.intellectpro.ru/press/works/dipfeyki_izmeneniya_v_uk_rf/ (accessed 02.09.2026). (In Russ.)
13. Dipfejki pri sovershenii prestuplenij mogut priznat' otyagchayushchim obstoyatel'stvom: o proekte federal'nogo zakona № 1288702-8 i otzyvakh Pravitel'stva RF i Verkhovnogo Suda RF [Deepfakes in the commission of crimes may be recognized as an aggravating circumstance: on draft federal law no. 1288702-8 and the opinions of the Government of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation]. GARANT.RU: informatsionno-pravovoj portal [GARANT.RU: legal information portal]. 16.07.2026. Available at: https://www.garant.ru/news/2168210/ (accessed 02.09.2026). (In Russ.)
14. Sledstvennyj komitet zavershil rassledovanie dela o sim-boksakh dlya telefonnykh moshennikov [The Investigative Committee has completed the investigation of the case concerning SIM boxes used by telephone fraudsters]. Rossijskaya gazeta [Russian Gazette]. 05.08.2026. Available at: https://rg.ru/2026-08-05/sk-zakonchil-rassledovanie-dela-o-sim-boksah-dlia-telefonnyh-moshennikov.html (accessed 02.09.2026). (In Russ.)
15. V Dumu vnesyon zakonoproekt, po kotoromu dipfejki pri sovershenii prestuplenij stanut otyagchayushchim obstoyatel'stvom [A bill has been submitted to the State Duma under which deepfakes used in the commission of crimes will become an aggravating circumstance]. Rossijskaya gazeta [Russian Gazette]. 19.07.2026. Available at: https://rg.ru/2026-07-19/osobaia-poddelka.html (accessed 02.09.2026). (In Russ.)
16. Ugolovnyj kodeks predlagayut dopolnit' normami ob ispol'zovanii dipfejkov: ob otzyvakh Pravitel'stva RF i Verkhovnogo Suda RF na zakonoproekt 2024 goda [The Criminal Code is proposed to be supplemented with norms on the use of deepfakes: on the opinions of the Government of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation on the 2024 draft law]. RAPSI: agentstvo pravovoj i sudebnoj informacii [RAPSI: Russian Legal and Judicial Information Agency]. 16.09.2024. Available at: https://rapsinews.ru/legislation_news/20240916/310242023.html (accessed 02.09.2026). (In Russ.)